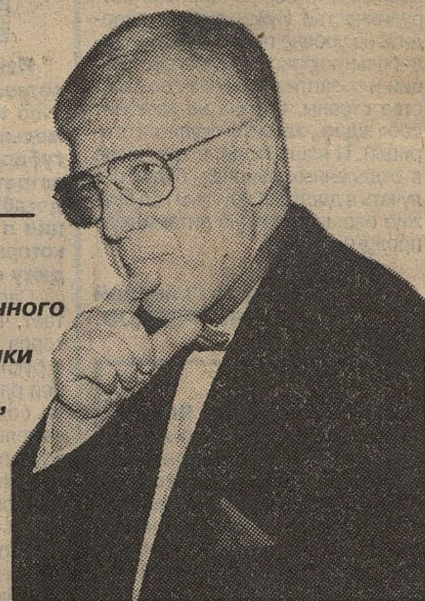

СВИДАНИЕ С МАЭСТРО В РИЖСКОМ ЗАМКЕ

Трух - 1997. -
250 экз. - с. 156.

У маэстро Паулса в Рижском замке, резиденции президента Латвии на берегу Даугавы, свой кабинет. Небольшой, очень скромный, отличающийся от обиталища обычного служащего разве что одним: кроме стандартного набора офисной мебели, у стенки стоит пианино.

Мы не были раньше знакомы. Точнее сказать, знакомство было сугубо односторонним, как у миллионов моих соотечественников: он — на сцене или экране, мы — влюбленные зрители. Мы узнавали его музыку с первых тактов и радовались каждому появлению на телеэкране, как встрече с другом, позвонившим вечерком поделиться доброй вестью. Наверное, и свидание поэтому получилось отчасти ностальгическим. Что-то вспомнилось, о чем-то взгрустнулось... Столько лет «не виделись», столько всего произошло за это время! И, конечно, говорили не только о музыке. У маэстро много новых забот. Он — советник президента Латвии по культуре, а нынешние времена для культуры и искусства не самые благоприятные.

— Знаете, бурные события, которые происходили в странах бывшего Советского Союза, сделали много хорошего, это несомненно. Мы пережили прекрасные моменты, почувствовали свободу. Но я уже тогда предвидел, какие сложные про-

блемы нас ожидают. Мы все, а творческие люди особенно, не были готовы к существованию в жесткой капиталистической системе. Главным стало не создать художественную ценность, а продать. Есть художники, которые сумели приспособиться, но для большинства это стало трагедией, эмоциональным ударом. Как жить? Ощущение, что из лодки в холодную воду выбросили. Никто ничего не заказывает, бюджетных денег не вкладывают. А пенсионерам как трудно! У нас эта проблема особенно остра, в стране четверть населения — пенсионеры. Денежная реформа уничтожила все сбережения. У меня отец на гроб, как это было у стариков принято, копил. И все пропало.

(Окончание на 6-й стр.)

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Вы сожалеете об ушедшем?

— Нет, разрушение советской системы было естественным. Мы и тогда понимали, что с той экономикой и идеологией, давлением на личную свободу — пути в будущее нет. Сколько преступлений по отношению к культуре было совершено! Я недавно выступал в Петербурге. Ходил по знаменитому филармоническому залу, смотрел на портреты великих русских композиторов, исполнителей. Это же бриллианты мировой музыки! А их либо гнобили в стране, либо они убежали с родины. Почему? Люди шедевры создавали, а против них — репрессии, гонения. Нет, перемены были необходимы. Произошла революция, рухнула громадная империя...

— И все-таки империя находила средства и на развитие национальных культур, в том числе и латышской.

— Да, конечно, что-то хорошее было, из большого общего кошелька доставалось и Латвии, и Таджикистану, и Грузии. И не было границ. Конечно, я хочу свободно ездить в Тбилиси и Москву, в Санкт-Петербург — без того, чтобы меня два раза за ночь будили и сличали фотографию с лицом. Но, я думаю, и у нас будет, как в Европе, без шлагбаумов. Только это уже сделает другое поколение. Поднимется экономика, культура.

— Вот так и живем — в ожидании лучшего.

— Мне кажется, у каждого государства свой рок, своя судьба. Посмотрите, как по-разному живут соседние Польша и Германия. Россия должна играть в своем регионе ведущую роль. Такое богатое, мощное государство... Я давно не был в Москве, но знаю, что она очень бурно развивается. Однако, Москва — еще не вся Россия, есть ведь Омск, Саратов, Иркутск. Впрочем, это мой дилетантский взгляд...

— Сохранились ли у вас связи с деятелями культуры в России? То, что вас не забыли зрители, слушатели, вам, я думаю, и говорить не надо.

— Почти никаких. Но у меня другая работа. Раньше я был связан с выступлениями, теперь концертирую очень мало. И не настроен на это. Решил, что хватит. Правда, меня недавно очень тепло принимали в Петербурге. Я был очень взволнован и благодарен, что меня помнят. Но для того чтобы выступать, надо все время преподносить что-то новое, быть готовым. А моя жизнь пошла по другому руслу. Мои знакомые в Москве, как я вижу, живут очень хорошо, даже неожиданно хорошо, могут, напри-

мер, позволить себе летать на личных самолетах...

— Я знаю, что прибытие господина Киркорова на личном лайнере произвело на рижан яркое впечатление.

— Я вечером встречал президента Улманиса, прилетевшего из Стокгольма. Он вышел из маленького самолета, а рядом стоял громадный ТУ с именем Киркорова на борту...

— Этим не отличается большая часть эстрады. Вам было бы трудно там сейчас?

— Ну, я бы придерживался того, что умею, и в зал приходили бы люди, которые хотят видеть меня прежним. Не стоит бездумно поддаваться моде. В мини-юбке хороша восемнадцатилетняя певица, в сорок этот наряд неуместен. Как бы я выглядел, если бы старался соот-

это связано с самочувствием художника. Я знаю, что ваша семья — интернациональная. Ваша жена без проблем получила гражданство Латвии?

— Я не очень люблю это вспоминать. Да, было так, что мы с дочерью идем на выборы, жена — не имеет права. Она у меня реалистично настроенный человек и не делала проблему из того, что в нашем законе о гражданстве есть

а играли — 15. Никто не хочет признать, что он — балласт. Я действительно многое мог бы сделать на этой должности, имя, откровенно говоря, помогало. Но 3—4 года довольно, работа начала давить.

— Жива ли «Кукушечка» — тот ваш очаровательный детский коллектив, который пел про бабушку с дедушкой?

— Мы выросли, мы уже сами почти дамы и кавалеры, петь для

СВИДАНИЕ С МАЭСТРО В РИЖСКОМ ЗАМКЕ

Фото ИТАР-ТАСС.

● Тот самый концерт, который мы не забудем.

— Были ли вы на концерте нашей звезды?

— Не звезды, а планеты, между прочим, как он заявил нашим тележурналистам. Нет, я не видел концерт... Был в этот день за городом. Мне кажется, человеку не стоит возвеличивать самого себя, это может плохо кончиться.

— А по-моему, судьба любит уверенных в себе людей. Они зарабатывают кучу денег и живут припеваючи.

— Разве дело в этом? У Элвиса Пресли денег хватало, а он все равно выходил на сцену, и чем кончил — известно. Те, кто отражался сценой, — особые люди. А помню Филиппа начинающим, когда он говорил, как хочет петь, просил написать для него песню. Конечно, я от души желаю ему успеха. Но сейчас многое из того, что он делает, хорошим вкусом не отличается. К сожалению,

ветствовать сегодняшним вкусам? У меня есть мой смокинг.

— Вам не горько наблюдать, как эстраду завоевывает пошлость?

— Мне могут возразить: вы там в свое время пели, играли, сочиняли — и спасибо, теперь помолчите, дайте нам петь и сочинять.

— Сцена отражает состояние общества? Или, наоборот, диктует вкус всем нам?

— Какая жизнь — такая и музыка. Я чувствую, что от пошлости пока не уйдешь, но она надоест, мы ее переживем. У нас на улицах продают ужасные дилетантские картины — на них есть спрос, вот их и предлагают. Сейчас очень многое зависит от вкуса режиссера, продюсера. Мы вынуждены пройти этот период, он принесет еще много дурного.

— Можно вопрос не о творчестве? Хотя, может быть, и

людей, которые готовили перемены. А многие и сами ушли, потому что увидели, как мало осталось от их идеалов. Но не надо спрашивать меня, как должно быть и что надо делать. Я тоже не знаю.

— Может быть, просто — жить?

— Да, жить. Жизнь регулирует сама себя. Мне не нужна идеология, я воспринимаю ее очень просто: люди должны чувствовать себя хорошо. Политика — не моя область. Я хотел бы делать то, что умею: музыка, роаяль, изредка сцена.

— Обязанности министра культуры Латвии показались вам слишком обременительными?

— Я ушел сам. Энтузиазм убывает, когда к тебе идут обозленные увольнением актеры, нужно искать деньги на ремонт театра, разбирать конфликты. Я начал вводить договорную систему. В театрах числилось по 70—80 актеров,

детей нам не интересно. Ну а мне не хочется начинать заново с другими ребятами. Кроме того, я взялся за новое сложное дело. В парке, в центре Риги, создается развлекательно-культурный центр, он будет называться «Вернисаж» и носить мое имя. Задумано как своего рода визитная карточка города, с акцентом на людей среднего возраста. Казино, рестораны, пиано-бары. Место изумительное, будет очень красиво. Там сохранились постройки царского времени, и нашлась фирма, которая ведет строительно-реставрационные работы. Иногда и я смогу там выступать для солидной публики.

— В Москве был обвальный период, когда люди перестали ходить в театры, на концерты. А сейчас, по-моему, новый бум.

— Мы тоже это пережили. Сидели по домам, боялись криминала. Сейчас скандинавы говорят, что у них нет такой бурной культурной жизни, как у нас. Не успеваю ходить на все выставки, концерты, на которые присылают приглашения. Поток гастролеров из России.

— Хорошо, что вы по-прежнему интересны друг другу, верно? Но у вас есть еще и личная связь с Россией: ваша дочь живет в Петербурге.

— Анет работает в Латвийском консульстве, атташе по культуре. Она окончила там институт и вышла замуж за датчанина, который служит в петербургском представительстве датской авиакомпании — говорят на латышском, русском, английском. Это совсем неплохо, на мой взгляд, — быть свободными гражданами мира.

Ольга БОГУСЛАВСКАЯ,
спец. корр. «Труда».
РИГА.